

Потебня Александр Афанасьевич

**О некоторых символах в
славянской народной поэзии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Афанасьевич П.**
О некоторых символах в славянской народной поэзии / Потебня Александр Афанасьевич –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 157 с.

ISBN 978-5-519-79307-0

ISBN 978-5-519-79307-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

По мѣрѣ, какъ забывается упомянутое соответствие между значеніемъ корней словъ объясняемыхъ и объясняющихъ, ослабляется и связь между ними: постоянные эпитеты и пр. переходятъ къ словамъ, которыя означаютъ то-же понятіе, но по другому признаку. Такъ, въ выраженіи «черныя грязи» прилагательное не имѣетъ ничего общаго съ корнемъ грѣз — грѣзъ, по которому было бы приличнѣе назвать грязи топучими, что и встрѣчаемъ въ произведеніяхъ народной поэзіи; «черный» перешло, вѣроятно, къ сл. «грязь» отъ другого слова, напр. отъ сл. калъ, выражающаго впечатлѣніе чернаго цвѣта.

Въ тѣхъ способахъ выражать символъ, какіе застаемъ въ народной поэзіи, видно тоже стремленіе къ потерѣ изобразительности слова и связи поэзіи съ языкомъ. Простыя формы смѣняются сложными, но не замѣняются ими вполне. Главныхъ отношеній символа къ опредѣленному три: сравненіе, противоположеніе и отношеніе причинное. а) Сравненіе выражается въ народной поэзіи или такъ, что символъ вполне соответствуетъ своему предмету, или такъ, что между тѣмъ и другимъ полагается нѣкоторое различіе. Въ полномъ сравненіи символъ является то приложеніемъ (конь — соколъ), то обстоятельствомъ въ творит. пад. (зегзицею кычетъ), то развитымъ предложеніемъ. Въ последнемъ случаѣ сравниваемое можетъ подразумѣваться, или — быть развито до такой степени, какъ и символъ. Примеромъ перваго можетъ служить пѣсня Кракедворской ркп. «Ach ty róže, krasna róže! Čemu si rano rozkwetla, rozkwetawši pomrzla, pomrzawši uswědla, uswědewši

opadla?» и вслѣдъ за тѣмъ слова дѣвицы, которая сравнивается съ розою; примѣромъ втораго — двустигіе: «Грушице моя! чомъ ти не зеленая? Милая моя! чомъ ти не веселая?» въ которомъ каждому слову первой половины соответствуетъ слово второй. Символь, какъ приложеніе, сливается съ обозначаемымъ въ одно цѣлое, а творительный падежъ напоминаетъ превращенія: то и другое можетъ быть отнесено къ тому времени, когда человѣкъ не отдѣлялъ себя отъ внѣшней природы. Сравнительно позже появился параллелизмъ выраженія: онъ указываетъ на затемненіе смысла символовъ, потому что если эти послѣдніе понятны, то и объяснять ихъ не-зачѣмъ. Еще болѣе позднимъ кажется выраженіе символа въ видѣ полнаго или сокращеннаго придаточнаго предложенія съ сравнительнымъ союзомъ (напр. въ Кр. ркп. *jako zoga, jako luna*): присутствіе союза доказываетъ, что между сравниваемыми предметами ставится большое различіе, и напоминаетъ приемы искусственнаго языка.

Формъ отрицательнаго сравненія тоже нѣсколько. Въ Сербскихъ пѣсняхъ довольно часто употребляется такой оборотъ: предпосылается символъ въ видѣ положенія или вопроса, и вслѣдъ за тѣмъ отрицается, а на мѣсто его ставится обозначаемый предметъ, напр. Надви се облак изнад дјевојак'; То не био облак изнад дјевојак, Већ добар јунак тражи дјевојак', (Срп. пјес. I. 2); Шта се сјаји кроз гору зелену? Да м'је сунце, да м'је јасан месец? Нит'је сунце, ни ти јасан месец, Већ зет шури на војводство дође (ib. 13.). Сербскія, а особенно Великорусскія пѣсни опускаютъ сравненіе положитель-

ное и начинаютъ съ отрицанія: «не...а». Безъ сомнѣнія такое сравненіе съ отрицаніемъ предполагаетъ положительное, а потому новѣ послѣдняго.

б) Противоположеніе символа предмету не чуждо Влкр. пѣснямъ, но, если не ошибаюсь, чаще встрѣчается въ Малорусскихъ. Обыкновенная форма такая-же, какъ и въ развитомъ положительномъ сравненіи, и отношеніе сопоставленныхъ предложений, при отсутствіи союза, можетъ легко быть принято за сравнительное, какъ напр. въ слѣдующихъ мѣстахъ: «Надъ горою високою голуби літають: я роскоши не зазнала, а літа минають». (Нар. Южнор. п., изд. Метл. 59); «Ой гilia, gilia, sизі голубоньки на високе літання: Та уже важко, мое серденько, та зъ тобою горювання» (ib. 102); «Ой з-за гори из-за кручи орли вилітають: Не зазнаю я роскоши,—вже й літа минають» (ib. 106). Высокое летанье птицъ имѣетъ смыслъ нпчѣмъ не стѣсняемой свободы; Чеш. *bujetí*, Пол. *bujać*, Русс. ширять, парить, значать не только высоко, но и привольно летать. Такому ширяню противопоставляется горе, стѣспенное положеніе челоуѣка, отсутствіе роскоши, т. е. раздолья, свободы, что, разумѣется, предполагаетъ сравненіе счастливаго челоуѣка съ высоко летающею птицею. И этотъ приѣмъ позже сравненія. Кромѣ сложности формы, можно думать такъ и потому, что въ противоположеніи таится мысль о равнодушіи природы къ страданіямъ челоуѣка, о разладѣ послѣдняго съ дѣйствительностью, мысль естественная въ устахъ современнаго намъ поэта, но слишкомъ печальная для первобытной эпической поэзіи.

с) Причинное отношеніе тоже рождается изъ сравненія. Такъ, во многихъ народныхъ медицинскихъ средствахъ можно распознать символы выздоровленія, или болѣзни: пораженное сибирскою язвою мѣсто очерчиваютъ выпавшимъ изъ сухой сосны сучкомъ, чтобы уроки, призоры и пр. посухали, какъ сучья и коренья у сухой сосны (Этн. оч. Ю. С. Гум. 53); рожу лечатъ высканьемъ огня и прикладываньемъ краснаго сукна на больное мѣсто, потому что рожа сближается въ языкѣ съ огнемъ и краснымъ цвѣтомъ. Вообще символизмъ доживаетъ свой вѣкъ въ подобныхъ сложныхъ формахъ; онъ долго живетъ въ примѣтахъ, симпатическихъ леченьяхъ и другихъ предразсудкахъ, послѣ того, какъ исчезнетъ въ высшихъ формахъ народной поэзіи.

“Такъ — какъ символизмъ есть остатокъ незапамятной старины, то встрѣтить его можно преимущественно тамъ, гдѣ медленіе происходитъ отдѣленіе мысля отъ языка, куда медленіе проникаетъ новое. Какъ ни стары были былинны, пѣсни юнацкія, все-же онѣ, съ немногими исключеніями, всегдѣ своимъ содержаніемъ относятся ко временамъ историческимъ. Жизнь, въ нихъ изображенная, есть жизнь столкновенія и борьбы народовъ, жизнь прогресса, быстро приводящая въ забвеніе старину и возсоздающая ее въ новыхъ формахъ. Вообще мысль мужчины шире, подвижнѣе, измѣнчивѣе, въ силу новыхъ, входящихъ въ нее, стихій, чѣмъ мысль женщины, заключенной въ кругу медленно измѣняющагося домашняго быта, болѣе близкой къ природѣ и неподвижному разнообразію ея явленій. Женщина —

преимущественно хранительница обрядовъ и повѣрствъ давно застывшаго и уже непонятнаго язычества. Оттого связь съ языкомъ и символизмъ, характеризующіе женскія пѣсни, встрѣчаются въ мужскихъ въ гораздо меньшей степени. Символизмъ находится въ обратномъ отношеніи къ силѣ постороннихъ вліяній, а потому онъ необходимѣе и яснѣе у Русскихъ и Сербовъ, чѣмъ въ пѣсняхъ Чеховъ, Лужичанъ, Хорутанъ, Поляковъ. Эстетическое достоинство произведеній народной поэзіи падаетъ вмѣстѣ съ символизмомъ и отъ тѣхъ-же причинъ: между прочимъ — отъ уменьшенія числа людей, для коихъ языкъ и произведенія народной словесности главныя средства развитія. Правда, превосходныя Сербскія историческія пѣсни и нѣкоторыя Мал. думы доказываютъ, что и при отсутствіи символовъ возможны высокія народныя произведенія, если между классами народа нѣтъ рѣзкаго различія и если вся масса народа достигнетъ извѣстной степени воодушевленія; но воодушевленіе проходитъ, масса народа разъединяется, и снова начинается процессъ паденія народной словесности.

Въ настоящее время многія Малороссійскія пѣсни, еще прекрасныя по частностямъ, не представляютъ никакого внутренняго единства. Онѣ, очевидно, механически сшиты изъ отдѣльныхъ двустихій и четверостишій, которыя встрѣчаются въ другихъ пѣсняхъ, поются и сами по себѣ. Одна изъ этихъ короткихъ пѣсенекъ — параллельныя выраженія съ правильно-употребленнымъ символомъ; въ другихъ символъ поставленъ случайно, по привычкѣ; въ третьихъ опущенъ символъ или его объ-

ясненіе, которое теперь было бы вовсе не лишнимъ. Пол. краковьяки, кажется, были прежде параллельными выраженіями, какъ Малорусскія «уличныя» и «коломыйки», но теперь представляютъ гораздо большую степень разложенія, чѣмъ эти послѣднія. Нѣкоторые изъ нихъ—наборъ словъ, утратившій всякій смыслъ: «Kamień na kamieniu, na kamieniu kamień, A na tém kamieniu jeszcze jeden kamień».

Приводя въ порядокъ немногіе собранные мною матеріалы, я старался не упускать изъ виду символики съ языкомъ, и располагалъ символы по единству основнаго представленія, заключеннаго въ ихъ названіяхъ. Въ частныхъ случаяхъ я могъ ошибаться, но вѣрно то, что только съ точки зрѣнія языка можно привести символы въ порядокъ, согласный съ воззрѣніями народа, а не съ произволомъ приищаго.

Огонь. Свѣтъ. Еслибъ мы не знали, что божества огня и свѣта занимали важное мѣсто въ языческихъ вѣрованіяхъ Славянъ, то могли бы уѣдаться въ этомъ изъ обилія словъ, имѣющихъ въ основаніи представленія огня и свѣта.

Какъ душа и жизнь, такъ и частныя проявленія жизни: голодъ, жажда, желаніе, любовь, печаль, радость, гнѣвъ представлялись народу и изображались въ языкѣ огнемъ. Слова, первоначально примѣняемыя къ нѣсколькимъ понятіямъ, напр. и къ желанію, и къ

печали, съ теченіемъ времени становятся опредѣленнѣе, начинаютъ обозначать одно извѣстное понятіе. Диссимилирующая сила языка дѣйствуетъ при этомъ по правиламъ часто совершенно для насъ непонятнымъ. Примѣромъ этого, какъ кажется, произвольнаго разграниченія тождественныхъ по основному признаку словъ могутъ служить названія пищи и питья, голода и жажды. Что пища и питье роднятся между собою въ языкѣ, видно изъ слѣдующаго: сл. пища происходитъ отъ пи — ти съ суффиксомъ, ставшимъ согласною корня. Отъ предполагаемой формы питити — Млр. питимий, кормящій: Млр. «питимая матінка» можно буквально перевести: «кормилица матушка». Суф. — имый имѣетъ здѣсь дѣйствительное значеніе, какъ въ родимый. Отъ соутн, литъ, происходятъ: сытый, накормленный, отличающееся обыкновенно отъ пьяный и сопоставляемое съ симъ послѣднимъ, и сыта (медовая), слово, означающее собственно жидкость и по такимъ же неизвѣстнымъ причинамъ отнесенное къ меду, какъ слова квасъ (ср. киснуть, мокнуть, Серб. киша, дождь) и пиво къ своимъ понятіямъ. Въ одной Лужицкой пѣснѣ, наоборотъ, вода названа съѣстною: *Póscel jeho po wodu, po tu wodu jadomni* (Haupt. I. 145). Сродство голода и жажды видно въ нѣсколькихъ словахъ. Ст.-Слав. жлъдѣнѣ, тождественное по корню съ Русс. голоденъ, въ Серб. жудан получаетъ значеніе жаждущаго. Смага, близкое къ смажить, жарить, значитъ въ Смол. губер. жажда, а въ Псков. — позывъ на пищу. Пол. *pragnąc*, *pragnienie*, жажда, Стар. Русс. пражу, жажду (Азбук. въ Ск. Р. Н.), образовалось

отъ значенія Пол. *pražyc*, Млр. *pragti* (гдѣ и указываетъ, можетъ быть, на старинное *ж*), жарить. Самое жажда (кор. *жад*) можетъ быть сродно съ кор. *жег*. То-же подтверждаютъ выраженія: «ѣсть хочется, а пить — какъ душу выжгло» (Бул. Посл. въ Арх. Кал. кн. II. ч. 2); «Ты бѣ жаждущимъ утробъ охлажденіе (Илар. о Зак. благ.); «гладомъ таати» (Варл. и Иосафъ приб. къ Лят. Ист. Стар. пов. и пр. Пып.). Таять, кромѣ обыкновеннаго значенія, имѣетъ и теперь еще на Сѣверѣ другое, горѣть; совершенно такъ, какъ топить: «затаили свѣцу коску ярово (Пам. и обр. 414); отсюда Млр. *потала* (въ выраженіи «звірю на поталу») — пожраніе, жертва. Какъ жрать, ѣсть — одного корня съ горѣть, такъ Пол. *rožuwać*, ѣсть, по связи жизни съ огнемъ, можетъ въ основаніи имѣть представленіе огня, который, по пословицѣ, хуже вора, потому что «воръ воруетъ, хотъ стѣны оставитъ, а пожаръ все пожираетъ» (Бул. Посл.). Нѣкоторыя слова, означающія желаніе, прямо примыкаютъ къ понятію голода и жажды, а черезъ нихъ къ горящему внутри челоуѣка огню. Таковы Ст.-Слв. *жадати*, Пол. *żadać*, *pragnąć*, желать. Другія — не имѣютъ видимой связи съ голодомъ и жаждою, но относятся къ огню.

Желать сродно съ жалить, жалѣть и горѣть, о чемъ память сохранилась въ пословицѣ: «Ярко желаютъ, да руки поджигаютъ» (Бул. Посл.). Млр. и Влр. *бажать*, сильно желать, имѣетъ при себѣ Млр. *багатыя*, горячіе угли, жаръ. Даже горѣть могло принимать значеніе желать, какъ можно заключать изъ слѣдующаго. Въ Млр. дѣвчьею ииръ «въ горю-дуба»

(или «въ горю пня», Псков. огарыши, горѣлки), дѣвушка, ставшая горѣть, говоритъ: «горю, горю дубъ (или пенъ)». Одна изъ двухъ, ставшихъ противъ нея, спрашиваетъ: «чого-жъ ти горишь? — «Красноі панни!» — «Якої?» — «Тебе молодой» и пр., за тѣмъ тѣ двѣ бѣгутъ, а горѣвшая ловить (Дни и мѣс. Укр. посел., Максимовича, Русс. Бес. 1856 г. III.). Родительный п. при горѣть показывается, этотъ глаголъ значить здѣсь не ловить — бѣгать, какъ можно думать по связи огня и быстроты, а скорѣе желать, любить. Любовь есть желаніе, почему Псков. жаланый — любезный, желанный — любезный, милый (Орл. Туль.), ласковый, добрый (Моск. Олон.); Твер. жадный, милый; во многихъ Сѣв. губ. бажоный, миленькій. Костр., Олон. Тамб. бажать-ка — крестный отецъ, крестная мать, можетъ быть потому, что излюблены, выбраны, въ противоположность роднымъ. Связь любви съ огнемъ выводится и изъ сближенія красоты съ огнемъ, о чемъ — ниже. Въ названіяхъ печали я не замѣтилъ доказательствъ связи этого чувства съ жаждою — голодомъ; связь съ огнемъ — ясна. Печаль отъ печь, слово неупотребительное въ Мир., въ замѣнъ чего Мир. журба имѣетъ постоянный эп. пекуча. Журба, слово близкое по формѣ къ Чеш. *zuřiti*, свирѣпѣть, одного корня съ горѣти — жрѣти: у есть усиленіе глухаго звука (ср. муравей — мѣравій). Жаль — горе тоже однородны съ горѣть, равно какъ обл. на-зола, грусть, близкое къ зола, (ср. пенель — удвоенная форма отъ плати, но и безъ предл. по — все-таки продуктъ горѣнія), золь, имѣющему другую форму горній. Скорѣе имѣетъ при

себѣ заскорбнуть, засохнуть, скорблый, сухой. Сухота (Моск. и Млр.), забота, печаль отъ сухъ, откуда довольно рѣдкій Млр. гл. сушувать, горевать (Эгн. Сбор. I. 357), и обыкновенное Млр. сушить — вялить (о горѣ). Какъ въ языкѣ, такъ и въ народной поэзіи понятія желанія, любви, печали сродны между собою, потому что выражаются въ однихъ и тѣхъ-же образахъ внутренняго и вѣшняго огня. Какъ сл. утолить, напр. голодъ, жажду, имѣетъ въ основаніи понятіе огня (тиѣтъ, обѣ огнѣ), хотя выражаетъ его утишеніе, усмиреніе; такъ питье и ѣда, усмиряющія жажду и голодъ, служатъ символами упомянутыхъ сродныхъ съ огнемъ чувствъ.

а) **Питье.** Пить воду значить желать, стремиться, какъ можно догадываться изъ слѣдующаго: «Край тихого броду пѣе сивый кінъ воду; Просилася мила та до своего роду» (Метл. 244). Конь пьетъ отъ жажды, какъ просьба — слѣдствіе желанія; «край броду», потому что бродъ — средство сообщенія раздѣленныхъ рѣкою. Болѣе примѣровъ можемъ представить для питья въ значеніи любви. Вода — дѣвица, женщина (см. ниже); хотѣть пить — жаждать любви: «Жедно момче гором јездијаше, Жедно воде, а жельно ѣвојке» (Срп. пјес. 416). «Що утата — лебедята летять до криниці. Прплетіли до криниці, не пили водици; Та йшовъ козакъ до дівчини, зайшовъ до вдовиці» (Метл. 53), т. е. какъ утки — лебеди прилетѣли къ водѣ, да не пили ее, такъ козакъ разлюбилъ дѣвицу, потому что шелъ къ ней, да не зашелъ. Менѣе выдержано сближеніе въ слѣдующемъ: «Чи се тая криниченька, що голубка